

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАВКАЗСКОГО МЮРИДИЗМА И КАЗИ-МУЛЛА

В то самое время, когда Россия победоносно выходила из войн с Персией и Турцией, двумя могущественными государствами Азии, в глубине Дагестана незаметно скапливались горячие материалы, грозившие Кавказу страшным потрясением. То готовился чрезмерный взрыв фанатизма, который в своем проявлении записан в наших летописях под грозным именем мюридизма. Мюридизм возвестил народам Дагестана «газават», то есть войну религиозную, а следовательно войну кровавую и упорную до изуверства.

Собственно говоря, мюридизм не был каким-либо новым, неведомым мусульманскому миру, явлением; он существовал на Востоке целые столетия – с тех пор, как явился Коран, но никогда не выражался в той страшной и своеобразной форме, в которой проявился среди дагестанских горцев. Исследовать причины, побудившие сотни тысяч людей разом слиться в одной идее, дело политической истории; нам же доводится лишь проследить за явлением настолько, насколько оно выразилось с внешней своей стороны.

Никакая религия мира не исчерпывалась одним только кодексом законодателя, а всегда оставляла последователям широкое поле возможности дополнять и разъяснять этот кодекс новыми идеями. Так случилось и с религией Магомета. Едва раздалось слово проповедника, как тотчас же явились толкователи и выразители идей пророка, и между

ними первенствующее место заняли последователи тариката, иными словами, учения, указывающего наилучший «путь к Богу», то есть к достижению вечного блаженства. Учение тариката, сопровождаемое самосозерцанием, постом и молитвой, во многом уподоблялось христианскому монашеству. Основателями его являлись отшельники, которые своей святой, уединенной жизнью привлекали к себе последователей и вместе с ними составляли, в некотором роде, братства. Восточное воображение и фантазия, конечно, не могли оставить это учение чистым и отвлеченным, а увлекли его на путь мистицизма. Таким образом, в монашеском мусульманском братстве образовывались пять степеней духовного совершенства, для достижения которых требовались не только религиозные познания, но и исполнение многочисленных и трудных обрядов*. Все это дало возможность духовным учителям, именующим себя муршидами, имамами и тому подобное, в случае надобности эксплуатировать по своим личным расчетам толпу своих учеников, мюридов, и делать из них послушное орудие своих политических замыслов.

В мусульманском мире немало разыгралось кровавых революций, в которых вожаками политических партий всегда являлись муршиды со своими мюридами. Вызывая политическое движение во имя тариката, представители его, следуя наставлениям пророка, предварительно посылали ко всем мусульманам да'ват, то есть приглашение присоединиться к ним для защиты народных и религиозных прав, а затем уже, не принявшим да'вата, объявляли джигат (война за веру), чтобы силой оружия заставить их следовать за собой. Вот эти-то три начала: тарикат, да'ват и джигат, или по отношению к нам газават – и объединились у нас в одном понятии мюридизм.

* Эти степени были учреждены по числу пророков-завоевателей: Адама, Авраама, Моисея, Иисуса и Магомета.

То, что было на Востоке, должно было неизбежно случиться и на Кавказе. С тех пор, как ислам нашел себе место среди кавказских народностей, явились и здесь последователи тариката, были муршиды и были мюриды; но до тех пор, пока это учение держалось тесной догматической рамки, все было тихо и спокойно. Правда, во имя религии и на Кавказе не раз поднимались бури, но они сами собой утихали, так как народ, косневший в духовном невежестве, не был в состоянии увлекаться религиозной идеей на продолжительное время и, вспыхнув как порох, скоро терял свою силу*.

Не то произошло в двадцатых годах настоящего столетия. Первые вожаки будущего грозного движения горцев шли к цели медленно. Возвестив народам Дагестана мюридизм, во всем его широком объеме, и укрепив его на почве политической свободы, они целые семь лет фанатизировали массы, прежде чем двинуть их на борьбу с неверными.

Чтобы объединить разрозненные племена Дагестана в одно крепкое тело, могущее противопоставить силу против силы русской, потребовалось влияние религии, и именно учение тариката, основные начала которого, отвергая светскую власть ханов, подчиняли и совесть, и волю народа одному духовному учителю, муршиду или имаму. Но обратить к изучению тариката целые народы, создать из них духовный монашествующий орден, конечно, было нельзя, да это и противоречило бы тем целям, которые преследовались сеятелями мюридизма. Им нужно было довести толпу до такого состояния, чтобы эта толпа стремилась к достижению вечного блаженства не одним путем

* Выдающимися событиями в этом роде были: появление Шейх-Мансура в восьмидесятых годах прошлого столетия и чеченский бунт 1825 года.

духовного просветления, а видела бы его в мученическом венце «шегида», искала бы газавата. Отсюда проистекало то, что кавказский мюридизм, хотя имел в основе высокие идеи тарикатства, но не был уже тем чистым, нравственным учением, которое создано и освящено было первыми мусульманскими богословами. Истинный тарикат, как всякое подвижничество, требовал измождения тела вечным постом, молитвой, самосозерцанием и не допускал даже ношения оружия; для газавата нужны были, напротив, зоркие очи и крепкие мышцы, чтобы владеть кинжалом и винтовкой. Для газавата важны были уже не одиночные адепты, а целые массы, все население, которое, очевидно, не могло быть посвящено поголовно в высокие нравственные истины мистического учения. Вот почему истинных мюридов, во все продолжение кавказской войны, было немного; их считали сотнями, тогда как становившихся под знамя мюридизма набирались десятки тысяч, но зато от этих последних не требовалось уже ничего, кроме строгого исполнения шариата, обязательного для каждого мусульманина, а из тариката – лишь основное правило его: слепое повиновение имаму. Таким образом, кавказский тарикат является просто политическим орудием, сектой, где под завесой религии образовывается невиданное доселе братство в несколько десятков тысяч людей, не сильных в богословии, но глубоко проникнутых одной идеей – ненавистью к неверным. Это воинствующее монашество, созданное при таких исключительных обстоятельствах, обратило всю свою дикую энергию против владычества русских, и горы Дагестана целые тридцать семь лет наполнялись непрерывным громом войны и звуком оружия.

Каким образом могло возникнуть это опасное движение среди покорных нам племен Дагестана, возникнуть,

так сказать, на глазах у русских, заметивших его в момент лишь самого взрыва – это вопрос, остающийся открытым до настоящего времени. Вот, как об этом, касаясь лишь внешней стороны явления, говорят исторические документы и устные предания очевидцев.

В двадцатых годах нашего столетия, уже во времена Ермолова, представителем чистейшего тарикатского учения на Кавказе был некто шейх-Хаджи-Измаил, проживавший в селении Кюрдамире, Ширванской провинции. Он был известен своей ученостью и святостью жизни. И этому-то старцу, отрешившемуся от мира и исключительно погруженному в созерцание духовных видений пророка, совершенно случайно суждено было стать творцом кровавых идей, зажегших на целые тридцать лет фанатическим пожаром Дагестан, а за ним и чуть не все Кавказские горы.

Произошло это следующим образом:

В 1823 году, при Аслан-хане казикумыкском, жил в кюринских владениях некто мулла Магомет, родом из селения Ярага. Он также посвятил весь свой досуг изучению тариката, и если не достиг на этом пути известности Хаджи-Измаила, то, тем не менее, по обширным познаниям своим слыл в числе дагестанских алимов, а по уму и твердому характеру достиг звания главного кадия.

У муллы Магомета, в числе его учеников, воспитывался долгое время один бухарец по имени Хос-Магома, прилежно изучавший под руководством своего наставника все догматические истины Корана. По окончании учения он объявил, что отправляется на родину, и скрылся из Ярыглара. Точно ли он был в Бухаре или объезжал в это время других замечательных кавказских алимов – неизвестно, но через короткое время он возвратился назад и повел такую аскетическую, суровую жизнь, что мулла Магомет начал

втайне следить за его поведением. Однажды, в глухую ночь – как рассказывают старики Ярага и носится предание по Дагестану – мулла Магомет пошел посмотреть, что делает его бывший воспитанник. Он увидел, что комната, где жил Хос-Магома, была озарена каким-то невиданным светом, а сам он сидел на ветхом келиме, углубившись в чтение Корана. Но едва Магомет вошел в комнату – огонь исчез, и мулла очутился в глубоком мраке. Пораженный удивлением, кадий просил Хос-Магому объяснить ему смысл этого таинственного явления.

«Почтенный наставник! – отвечал Хос-Магома. – Ты трудился и учил меня семь лет, и я до сих пор не мог ничем отблагодарить тебя. Но теперь я передам тебе мудрость бухарских алимов, не известную в странах Дагестана, открою такие великие тайны ислама, о которых и ты, алим, не имеешь понятия. Но прежде чем говорить о них, поедем со мной к кюрдамирскому эфендию и примем его благословение».

Мулла Магомет согласился и вместе со своим учеником и несколькими кюринскими муллами отправился в Кюрдамир для свидания с шейх-Измаилом. Это свидание было роковым для Кавказа.

Шейх как суровый аскет, не знакомый с практической стороной жизни, развивал перед гостем высокие богословские идеи, доходившие до самоотречения от личного «я». Мулла Магомет как кадий, стоявший близко к народу и знавший степень духовного его развития, рисовал перед ним картины тогдашнего положения дел внутри Дагестана и требовал прежде всего направить на истинный путь сошедших с него мусульман. Шаткость религиозных понятий, совершенное неведение шариата, заменяемого народными обычаями, не всегда согласными с духом мусульманской религии, действительно производили в народе

тот безобразный нравственный хаос, который нельзя было назвать иначе, как полным духовным растлением. Таким образом, ученость одного и политические соображения другого привели общих к общему выводу – к необходимости заботиться о просвещении не тех одиночных лиц, которые были способны к восприятию высокого уровня тариката, а целых масс, погрязших в неведении основных начал религии и в ложном толковании Корана. Развивая эту идею, они остановились на мысли соединить разрозненные народы Дагестана в одно общее целое, прекратив между ними взаимные междоусобия, ссоры и обычай кровомщения. А отсюда уже не трудно было додуматься, что для народа будет понятнее призыв к священной войне, чем богословские рассуждения, и этим страшным орудием решили воспользоваться оба проповедника, чтобы обратить народ к шариату. С минуты этого разговора тарикат получает в устах кавказских проповедников совершенно иное толкование и развивается в то грандиозное явление, двигавшее на смерть сотни тысяч людей, которое известно истории под именем Кавказского мюридизма.

Прощаясь с муллой Магометом, шейх-Исмаил возвел своего почетного гостя в звание муршида и благословил его, по возвращении домой, приступить к проповедованию тариката.

Это произошло осенью 1823 года.

Уже в той первоначальной форме, в которой вылилась новая идея из уст муллы Магомета, зазвучала политическая нотка, сглаживаемая истинными обязанностями тариката лишь настолько, насколько это было нужно, чтобы не произвести преждевременной бури.

В Кюринском селении Яраг, или Ярыглар, между бедными лачугами стоит простая деревянная мечеть с магометанской луной на кровле и с тремя круглыми окнами, на-

поминающими бойницы. Узкая лестница ведет снаружи на деревянную галерею второго этажа, покрытую навесом от дождя и палящего солнца. Внутренность мечети также не отличается роскошью; серо-коричневые стены ее украшены полуистертыми изречениями из Корана, пол покрыт старыми войлочными коврами, а посередине стоит кафедра из орехового дерева, довольно грубой работы. Не более двухсот человек может вместить в себя эта бедная мечеть, но ей-то именно и суждено было стать колыбелью мюридизма. Здесь престарелый мулла Магомет, после пламенной речи к кюринцам, впервые произнес газават – слово, возбудившее разом все дикие инстинкты народа и ринувшее его на путь кровавой борьбы, закончившейся только громом гунибской победы.

День, в который была произнесена эта речь, был первым днем мюридизма. Весть о новом учении и о чудесном ораторе с быстротой электрического тока охватила собой все углы Дагестана и пронеслась оттуда в Чечню. Аскетическая жизнь муршида, его глубокое знание Корана и пламенное красноречие привлекли к нему толпы учеников и поклонников. В Яраг стали приходиться уже и муллы, желавшие услышать новые, неведомые доселе им откровения. Многие из них проживали по целым месяцам, наблюдая втайне за поведением муршида, и всегда находили его в духовных трудах и в молитве к Богу. Молва о святости его распространялась все более и более, а вместе с тем росло и крепло проводимое им учение.

Описывая наружность муллы Магомета, современники говорят, что он был высокого роста, с длинной белой бородой; кротость и добродушие были написаны на его изможденном лице, а глаза ослепли от ночного бдения. И это, по-видимому, мирный старик слабым, едва слышным голосом проповедовал всеобщее восстание на кровавую

брань. Песни, игры, музыка, курение табака, вино и танцы объявлены были светскими обрядами, достойными казни. Принимавший учение мюридизма, принимал точно монашескую схиму; но только эта схима звала его не из греховного мира в область поста и молитвы, а, напротив, в мир, куда газават должен был внести меч и огонь, чтобы оградить религию от притязаний гяуров.

«Истинные магометане, – внушал мулла Магомет, – не могут быть под властью неверных, потому что присутствие их заграждает путь к престолу Аллаха. Молитесь и кайтесь; но прежде всего ополчитесь на газават – без него один шарият не приведет к спасению».

Большинство слушателей смутно понимало сущность пропаганды, а многие и вовсе ничего не понимали, вынося из проповедей только неясное предвидение близкой борьбы с русскими, уже занявшими плоскость и стоявшими у входа в самые горы. Весь склад суровой жизни готовил лезгина к трудной борьбе и военным тревогам. Почва, следовательно, была готова, оставалось идею осуществить на практике. И вот мулла Магомет рассылает своих последователей – мюридов, которые, с деревянными шашками в руках и с заветом гробового молчания, обходят горы и аулы Казикумыка. В стране, где семилетний ребенок не выходил из дома без кинжала на поясе, где пахарь работал с винтовкой за плечами, вдруг появились в одиночку безоружные люди, которые, встречаясь с прохожими, ударяли по земле три раза деревянными шашками и с безумной торжественностью восклицали: «Мусульмане – газават! Газават!» Мюридам дано было только одно это слово, и на все остальные вопросы они отвечали молчанием. Впечатление было чрезвычайное; их принимали за святых, охраняемых роком, и горцы, любопытство которых было возбуждено самым страстным образом, стали тысячами стекаться на поклонение мулле Магомету.

Но пока этим все и ограничилось.

Напрасно некоторые историки связывают с новым учением восстание, вспыхнувшее в том же году в Мехтуле и кончившееся трагической смертью полковника Верховского. Нет никаких данных, которые позволили бы предполагать какую-либо связь между этими событиями. Мятеж в Мехтуле был делом совершенно случайным. Это были домашние счеты, вызванные жестокостью русского пристава, о чем согласно говорят и наши документы, и горские источники, а при этих условиях мятеж возможен был и без всякой религиозной пропаганды.

Тем не менее, когда Ермолов в том же году посетил Дагестан и из разговоров с араканским кадием Сеид-эфенди узнал о зарождающемся мюридизме, он приказал Аслан-хану казикумыкскому прекратить беспорядки.

Аслан-хан сам отправился в кюринское селение Касумкент, куда, по его требованию, явился и мулла Магомет ярагский с некоторыми из своих последователей. Мулла начал излагать перед ханом истины тарикатского учения, и на вопрос: «Почему твои мюриды ходят по деревьям и кричат газават?» – отвечал:

– Мои мюриды в религиозном экстазе не понимают сами, что делают; но их поступки показывают ясно, что все должны делать.

– Твое учение только соблазняет народ, – возразил Аслан-хан. – Газават дело угодное Богу; но разве ты не знаешь силы русских, разве не понимаешь, сколько через твою пропаганду может пострадать и погибнуть невинных людей?

– Русские, конечно, сильнее нас, – спокойно отвечал мулла Магомет, – но Бог сильнее русских: в его руках победа и поражение. Я бы посоветовал и тебе, хан, оставить мирскую суету и подумать о том, куда мы все пойдем от последнего раба до царей и пророков.

– Я мусульманин и исполню шариат, как повелевают священные книги, – сказал Аслан-хан.

– Ты говоришь ложь, – запальчиво возразил проповедник. – Ты и твой народ во власти неверных, а при этом исполнение вашего шариата ничего не стоит.

Этот дерзкий ответ и укор, брошенный в лицо одному из могущественных владетелей Дагестана, вывел из себя гордого хана. Он публично дал мулле Магомету пощечину и выгнал его вон.

Но на другой день, мучимый раскаянием, хан вторично пригласил к себе старого кадия и просил у него прощения. Тогда мулла воспользовался минутой и сумел своим красноречием подействовать на грубую натуру хана.

– За мою обиду Бог тебе простит, – отвечал мулла, – но ты, хан, не будь по крайней мере истинным приверженцем русских. Если ты не можешь допустить проповедование тариката в твоих владениях, то не препятствуй в том другим дагестанцам. Вспомни, что если русские встретят в Дагестане много врагов, ты будешь им нужен и тебя осыпят наградами; но если они покорят горы, ты будешь выброшен ими как ненужная ветошь.

Хан призадумался. Льстивые слова муллы Магомета показали ему чем-то пророческим. Он отпустил его домой, а Ермолову донес, что в ханстве восстановлен полный порядок.

Таким образом мюридизм втихомолку продолжал развиваться. Магомет ярагский стал уже не единственным проповедником новой идеи, а рука об руку с ним действовали и быстро выдвигались на народную арену другие знаменитые представители тариката, из которых особенно выдавался ученостью и святостью жизни Джемалладин казикумыкский. «Благодать этих святых, – говорит один из горских историков, – так действовала на распространение

в народе шариата, как действует весенний дождь на произрастание хлеба».

Рассказывают, что Аслан-хан, встревоженный проповедями Джемалладина в своих владениях, приказал привести его во дворец. Но когда Джемалладин явился и стал перед ханом, облокотившись на палку, Аслан, уже готовый произнести над ним смертный приговор, вдруг побледнел и поспешно вышел из комнаты. «Отпустите его домой и не трогайте, – сказал он своим приближенным, – я видел, что его пальцы сияли светом, как зажженные свечи...»

В таком положении были дела, когда в 1825 году Ермолов увидел в чеченских событиях отражение нового дагестанского учения и, опасаясь, чтобы волнение не охватило приморский Дагестан, приказал Аслан-хану арестовать муллу Магомета и доставить его в Тифлис. Магомет был арестован, но с дороги бежал и скрылся в Табасарани. Вслед за ним бежал из Казикумыка и Джемалладин. Начавшиеся затем персидская, а потом турецкая войны надолго отвлекли внимание нашего правительства от внутренних дел Дагестана; а между тем новое учение росло и фанатизировало массы до высокой степени.

Все было готово. Нужен был вождь – вождь явился.

В числе последователей тариката был один гимринец, по имени Гази-Мухамед, о жизни и деятельности которого, до выступления его открыто на политическое поприще, сохранилось так много разноречивых сведений, что по ним трудно добраться до какой-нибудь истины.

Шах-гази-хан-Мухамед, известный в истории под именем Кази-муллы, провел свое детство в Гимрах и подобно своим сверстникам занимался тем, что возил на осле виноград и знаменитые гимринские персики в шамхальские владения и там менял их на пшеницу. Постоянные разъезды, разнообразные встречи, знакомство с иной природой и

иными людьми, – все, что так бесследно проходило для большинства детей его возраста, развило в его пытливом уме любознательность и интерес к знакомству с такими предметами, о которых он не имел понятия. Но удовлетворить жажду знаний было очень трудно. В то время в Дагестане не существовало правильно организованных школ для прохождения книжного учения, а в так называемых медресе, существовавших почти в каждом ауле, можно было научиться только чтению Корана. Но этого было слишком мало для того, кто желал занять место муллы или кадия или же приобрести звание эфенди. Мальчикам приходилось ходить по аулам, разыскивая достаточно ученого кадия, от которого можно было бы позаимствоваться более глубокими богословскими сведениями. Подобно своим сверстникам скитался из одной мечети в другую и Гази-Мухамед, пока не попал наконец в Араканах к знаменитому алиму того времени Сеид-эфенди. Естественно, что направление, данное своему ученику умным Сеидом, одним из приверженцев русских, было радикально противоположно учению тарикатских шейхов и не могло толкнуть Кази-муллу на тот кровавый путь, на котором он завоевал себе место в истории. Но ум Кази-муллы был такого склада, что не мог оставить без внимания и нового учения. Он отправился в Казикумык, где в то время находился святой Джемалладин; но прежде чем принять от него тарикат, он захотел испытать, точно ли шейх имеет дар прозорливости, как о том говорили в народе. Когда он, никому не знакомый в Казикумыке, вошел в дом Джемалладина и скромно поместился у порога, Джемалладин сказал ему: «Здравствуй, Гази-Мухамед! Садись поближе ко мне, там не твое место». Удивленный Кази-мулла спросил: «Почему ты знаешь мое имя, когда прежде никогда не видал меня?» «Разве в книге не сказано, – отвечал Джемалладин, – берегитесь

прозорливости верного раба, он смотрит светом Божиим. Разве ты сомневаешься, что я верный раб?»

Эти слова поразили Кази-муллу: он упал ниц перед святым муршидом, исповедуя свой грех, и стал ревностным мюридом Джемалладина.

Но тарикат, который проповедовал Джемалладин, был тарикат истинный, чуждый политическим целям; он был направлен собственно к возвышению чисто религиозного духа своих последователей, и в этом понимании божественных откровений Джемалладин резко расходился с воззрениями своего наставника Магомета ярагского. Основываясь на словах пророка, сказавшего при возвращении домой после боя с неверными: «Мы совершили малый газават, теперь предстоит большой», то есть борьба с собственными страстями, он учил народ, что усмирение страстей и очищение себя от греховных помыслов есть дело более угодное Богу, чем война с неверными. Кази-мулла, принявший от него тарикат, не разделял, однако же, взглядов своего наставника и, чтобы разъяснить мучившие его сомнения, решил обратиться за советом к мулле ярагскому, к тому, кто поставил муршидом и самого Джемалладина. Он написал ему: «Аллах велит в своей книге воевать с неверными, но мой наставник Джемалладин воспрещает это: чьи повеления исполнять мне?» «Повеления Божии, – ответил ему шейх, – мы должны исполнять более чем людские».

Тогда Кази-мулла отправился сам на свидание с муллой Магометом. Путешествие в Яраг он совершил пешком, с полным религиозным смирением, в сообществе только одного из своих друзей – Шамиля, тогда только что начинавшего свое историческое поприще. Достигнув Ярага, он отправился прямо в дом кюринского кадия и почти целый год пробыл в сообществе знаменитого шейха. Не раз случалось им уходить из селения в поле и просиживать

вдвоем целые ночи, беседуя и любуясь бесконечными красотами горной природы; учитель пояснял ему смысл правоверия, открывал тайны религии, рассуждал о шариате, о способе привлекать в себе сердца людей, убеждать их, повелевать ими. Уединенная, отшельническая жизнь развила в мулле Магомете необычайную созерцательность, приучила читать живую книгу природы и видеть во всем таинственные символы, сокровенный смысл которых постигал он один.

«Однажды ночью, это было в позднюю осень, – рассказывал сам Кази-мулла одному гимринскому старику, здравствующему еще и поныне, – наставник мой сидел задумчиво у входа в пещеру; свет луны ослепительно отражался на высях гор, покрытых снегом и загроможденных вековыми льдами. Я не смел прервать его благоговейного размышления. Наконец он встал и, пересев к очагу, углубился в чтение Корана, а я между тем заснул. Наступила полночь. Я проснулся от непонятного сильного шума: точно река, свергаясь с высоких гор, ворочала огромные камни; в воздухе стоял оглушительный гул, скалы колебались, земля дрожала. В страхе смотрю вокруг себя – и что же вижу? Передо мной стоит муршид, окруженный дивным сиянием; седая борода его блестит, как лед, а глаза сверкают странным огнем, который жжет душу и сердце; он держит в одной руке Коран, другую простирает ко мне и твердым голосом, ясно отделявшимся от подземного гула, произносит: “Именем Аллаха подвигаю тебя на священную войну за правоверие, и да будешь ты наречен Гази-муллой”. Я повергся к его ногам и с трепетом слушал вдохновенные слова учителя. Когда он умолк, и я осмелился поднять свою голову, передо мной стоял уже не вдохновенный прорицатель, а старец, изнемогший от душевной истомы. После того он целый месяц лежал обессиленный».

Таков рассказ самого Кази-муллы о провозглашении его газием. Но нужно было сделать имя это известным целому народу. И вот в маленьком садике ярагской мечети, который существует еще и теперь, несколько темных мулл, учеников кюринского шейха, держали в 1828 году последний совет, на котором положено было начать газават. Мулла Магомет был душой этого совета. Вскоре после того он собрал к себе представителей всех вольных обществ Дагестана: ученых мулл, кадиев, старшин и, после долгой молитвы, объявил всенародно, что знамя газавата поднимет его любимый ученик Гази-Магомет, и тут же провозгласил его имамом.

«Именем пророка, – сказал он, возложив руку на его голову, – повелеваю тебе, Гази-Магомет, иди, собери народ и с Божьей помощью начинай войну с неверными. Вы же, – продолжал он, обращаясь к народным представителям, – ступайте домой, передайте вашим соотчикам все, что видели здесь, вооружите их и ведите на газават. Вы живете в крепких местах; вы храбры; каждый из вас как истинный мусульманин должен идти один против десяти неверных. Рай и светлый венец шегида ожидает тех, кто падет в бою за веру и пророка...»

Провозгласив газават и поставив вождя, мулла Магомет с этой минуты удаляется с политического поприща, а на его место, уже на кровавую арену, выступает Кази-мулла.

ДАГЕСТАН В ЭПОХУ НАЧАЛА МЮРИДИЗМА

После того, как шейх Магомет торжественно провозгласил Кази-муллу имамом, последний возвратился в Гимры и, удалившись от общества, весь погрузился в религиозные размышления. Нет сомнения, что ввиду грандиозной задачи, выпавшей на его долю, Кази-мулла испытывал некоторого рода колебания и выжидал удобной минуты, прежде чем поднять священное знамя имама. И действительно, время к тому было не вполне благоприятное. Персидская война, так долго ласкавшая горцев несбыточными надеждами, окончилась в стенах Тавриза, а вместе с ней окончились и все их мечты и иллюзии. Теперь и шамхал тарковский, и хан казикумыкский, один на севере, другой на юге, зорко стояли на страже спокойствия Дагестана, и их усердие даже нужно было сдерживать, а не поощрять какими-нибудь понудительными мерами. Так, однажды, два эмиссара, распространявшие в народе турецкие прокламации, были схвачены и доставлены на суд грозного хана. Суд был короток и строг. Хан приказал одному из них отрезать язык, другому обрубить уши, и затем выпроводил их на родину. «Такой поступок хотя и не был мной одобрен, – писал по этому поводу Паскевичу тифлисский военный губернатор Сипягин, – но так как хан сделал это из одного усердия, то я отнесся к нему с просьбой, чтобы он впредь удерживался от подобных расправ, а присылал

бы виновных в Тифлис». При таких отношениях к делу никакая пропаганда не могла иметь в народе быстрого успеха, и восточный Кавказ наслаждался полным спокойствием. Даже Авария, издавна враждебная России, не перестававшая смотреть на нее, как на источник всех своих зол, видимо стала мириться со своим зависимым положением и искала уже сближения с русскими.

Чтобы понять причины, побудившие Аварию уклониться от традиционной политики оружия, завещанной ей славным Омар-ханом, не раз заставлявшим трепетать самую Грузию, бросим беглый взгляд на эту страну и на ее недавнее прошлое. Последний правитель ее, султан Ахметхан, принадлежавший к владетельному мехтулинскому дому, умер в 1823 году, оставив после себя законным наследником малолетнего сына Абу-Нусал-хана. Но Ермолов, еще при жизни султана объявивший его как изменника лишенным покровительства русских законов, желал навсегда устранить от правления весь род крамольного хана, и потому со своей стороны провозгласил владетелем Аварии молодого Сурхая. Это был последний представитель знаменитой династии Омара; но, к сожалению, он происходил от брака с простой узденькой, и потому, по законам страны, не имел никаких прав на престолонаследие.* Тем не менее Авария разделилась тогда на два враждебные лагеря – меньшая часть ее подчинялась Сурхаю, благодаря громадным привилегиям, дарованным ему Ермоловым; большая же часть осталась верной Нусал-хану, за малолетством которого правила страной мать его ханша Пахубике, хитрая, но замечательно умная и энергичная женщина. В таком состоянии Авария находилась уже несколько лет. Ни аварцы не могли отделаться от Сурхая, ни русское

* Сурхай был сын Гебека, родного брата Омар-хана и, следовательно, приходился последнему родным племянником.

правительство не было в силах совсем устранить Нусал-хана, чтобы объединить в одних руках древнюю власть аварских ханов. И эти непрерывные распри двух партий, из которых враждебная России была сильнее, тяжело отзывались и на стране, и на смежных с ней русских границах.

Так наступил 1828 год, когда Абу-Нусал-хан достиг наконец совершеннолетия. Умная ханша продолжала, однако, стоять у кормила правления и видела ясно, что при тех внутренних смутах, которые ежечасно потрясали Аварии, власть ее сына, без чьей-нибудь посторонней поддержки, не могла быть прочной. О политических союзах в горах мечтать было трудно, так как соседние вольные общества были бессильны отстаивать даже собственную свою независимость. Из владетельных ханов также не было никого, кто бы решился прямодушно протянуть ей руку. Мало того, и шамхал тарковский, и хан казикумыкский были сторонниками русских и находились с ней в открытой вражде. На помощь извне рассчитывать было еще труднее. Персия, возбуждая было так много надежд среди дагестанских горцев, теперь, разбитая и уничтоженная, лежала у ног России. Турция гибла под ударами Паскевича; оставалось, следовательно, одно, последнее средство – искать сближения с самой Россией, – и ханша повела это дело умно и энергично.

По ее настоянию молодой Абу-Нусал-хан написал письмо генералу Эмануэлю, командовавшему войсками на Северном Кавказе, с просьбой принять его со всем аварским народом под покровительство русского государя. Эмануэль сразу оценил те выгоды, которые могло доставить нам центральное положение Аварии в горах, и, со своей стороны, настойчиво пошел навстречу сделанному предложению. Испрашивать инструкций Паскевича, находившегося в Турции, не было времени, – и он решил принять все дело

на личную ответственность. Для начала переговоров Эмануэль пригласил ханшу Паху-Бике прибыть на границу Аварии; но ханша отвечала, что «по обычаям и законам их страны, не жены к мужьям, а мужья ходят к женам», а потому желала видеть русского генерала или доверенное от него лицо в Хунзахе. Эмануэль согласился. Уполномоченным с русской стороны назначен был известный кумыкский старшина Мусса-Хасаев. Однако, ханша, узнав об этом, просила назначить другого, так как Мусса имел в Дагестане много кровников, и она не ручалась за его безопасность. Тогда выбор пал на кумыкского князя Чапан-Муртазали-Алиева, который седьмого августа 1828 года, в сопровождении прапорщика сорок третьего егерского полка Хрисанфова и девятнадцати почетных туземцев, отправился в Хунзах. На границе Аварии посольство встретил ханский конвой и сопровождал его до самой столицы, где князь Чапан был принят с почестями и вместе со всей свитой помещен в ханском дворце.

На следующий день последовало представление его лицам ханского дома. Дом этот состоял в то время из самого Абу-Нусал-хана, имевшего двух малолетних братьев и сестру Салтанету, знаменитую красавицу, игравшую такую романтическую роль в судьбе Амалат-бека. Затем следовали: ханша-правительница Паху-Бике и две старые бабки, Гихили и Костоман. По словам Чапана, оставившего любопытные записки об этом путешествии, правительница была средних лет, пользовалась общим уважением народа и отличалась необычайной деятельностью. Ее постоянно можно было встретить на улицах Хунзаха верхом на бойком иноходце, в сопровождении семи преданных ей женщин да нескольких нукеров, составлявших всю ее свиту. Старая Гихили, вдова знаменитого Омара, была также любимицей народа; но так как она не имела детей,

то отказалась от всякого участия в правлении, и тем не менее без ее совета не приступали к решению ни одного сколько-нибудь важного дела. Костоман, по всей вероятности, являлась личностью бесцветной, потому что Чапан обходит ее совершенным молчанием.

Переговоры на первых же порах встретили, однако, такие серьезные препятствия, которые едва не расстроили все наши предположения. Ханша потребовала, чтобы те части Аварии, которые при жизни Ахмет-султана были отданы Ермоловым во владения шамхала тарковского и Сурхая, вновь были бы возвращены ее сыну. Это требование превышало полномочие Чапана, а потому тотчас же поскакал гонец к Эмануэлю за нужными инструкциями. Генерал отвечал, что примет с признательностью присягу аварского народа, но что о возвращении земель, некогда отторгнутых от бывшего Аварского ханства, не может быть и речи, уже потому, что и шамхал тарковский и Сурхай в течение десяти лет укрепили за собой право на эти владения постоянной верностью. Таким образом, расчеты ханши Паху-Бике были обмануты, но отступать назад ей уже было нельзя, и после нескольких дней колебания, девятого сентября 1828 года, аварский народ принес присягу на верность русскому государю. Три города и двести семьдесят восемь селений, более чем со ста тридцатью тысячами жителей, поступили в подданство Русской империи. Впрочем, так доносил генерал Эмануэль; в действительности же Авария вовсе не была так многолюдна и сильна, как казалась издали.

По возвращении из мечети, депутация, по обычаю, поднесла подарки от имени Эмануэля: ханше Гихили – бриллиантовый перстень с бразильским топазом, правительнице – бриллиантовый перстень с гранатами, а молодому хану – золотой хронометр.

Знаменательный день завершился народным праздником и пиром во дворце юного хана, на котором присутствовали все знатнейшие аварские беки и даже соседние владельцы и старшины, съехавшиеся поздравить Абу-Нусал-хана со вступлением его на престол своих предков. Торжество продолжалось несколько дней, и аварцы, по видимому, были искренни и чистосердечны.

Между тем Паскевич, получив об этом донесение, поставлен был в весьма затруднительное положение. Признание аварским ханом кого-либо из членов фамилии умершего султана вовсе не входило в его соображение, а главное, это ставило наше правительство в ложное положение к Сурхаю, которого нельзя было без всякого основательного повода лишить в стране значения и власти; к этому прибавились еще опасения, чтобы оскорбленный Сурхай не стал искать себе поддержки в народных смятениях, что в конце концов заставило бы Россию вмешаться в дела Аварии вооруженной рукой. «Если бы генерал Эмануэль, – писал Паскевич министру иностранных дел, – уведомил меня предварительно о начатых им переговорах, то я не отступил бы от принятого мной правила не вмешиваться в дела Дагестана до окончания турецкой войны, так как ни одного из наших требований мы, в настоящее время, поддержать оружием не можем. Я бы посоветовал тогда Эмануэлю замедлить с принятием покорности, а между тем предварительно испросил бы по этому важному предмету разрешения государя императора».

Но так как дело уже сделано, то Паскевичу оставалось только извлечь из этого события наибольшую пользу. Он остановился на том, что признал Абу-Нусал-хана владельцем лишь той части Аварии, которая повиновалась ему до начала переговоров; а деревни, находившиеся в подчинении Сурхаю, утвердил за последним. Нельзя не сказать,

однако, что подобное разделение Аварии ставило русское правительство в положение, требовавшее особенного внимания. Нужна была крайняя осторожность и так, чтобы, лаская нового хана, не возбудить зависть в Сурхае, и, в то же время, поддерживая Сурхая как человека уже испытанной верности, не вооружить против себя Абу-Нусал-хана. Но эти неудобства, по мнению Паскевича, окупались большими преимуществами, если взглянуть в обратную сторону медали. Авария, замкнутая непроходимыми горами, доселе была недоступна нашим войскам, а при таких условиях, если бы она подчинилась одному владельцу, и этот владелец явился бы таким же смелым предводителем, каким был знаменитый Омар, – то страна легко и безнаказанно могла бы отложиться от русских. Разделение же Аварии между двумя владельцами, из которых каждый будет искать нашей защиты, разъединит ее силы и, в случае надобности, проложит нашему оружию свободный путь в самые недра аварской земли.

На этом основании Паскевич заключил с обеими сторонами акты на верноподданство; обоим владельцам пожалованы были чины полковников, с двухтысячным жалованием, высочайшие грамоты на ханское достоинство, знамена с императорским гербом и драгоценные сабли с надписями. Все эти знаки ханской инвеституры доставлены были в Тифлис; но передачу их Паскевич отложил до окончательного примирения между собой обоих ханов.

Казалось, что подчинение могущественной Аварии должно бы было прочно обеспечить наше положение в Дагестане. И, быть может, оно бы так и случилось, если бы обстоятельства совершенно неожиданно не выдвинули в это время на политическую сцену Кази-муллу, с его кровавой пропагандой.

Возвратившись в Гимры, Кази-мулла увидел, что почва для газавата еще не была подготовлена. Но как сеятель

слова Божьего он не усомнился бросать семена мюридизма направо и налево, полагая, что если иное и упадет на каменистую почву и, выросши, скоро заглохнет, то все же и кратковременное прозябание его, если и не принесет плода, то послужит к удобрению земли для будущего всхода. Таким образом, цель была намечена ясно, а план к достижению ее был прост и основывался не на каких-нибудь умозрительных, отвлеченных идеях тариката, а на коренных началах религии, доступных пониманию каждого горца. С высоты своего духовного развития Кази-мулла увидел вокруг себя полное нравственное растление, происходившее единственно от неведения народом шариата. Законом служил не Коран, а простые обычаи, адаты, выработанные житейским опытом, а потому часто противоречившие священным книгам. Муллы были невежественны. Мужчины курили табак, предавались пьянству, пели греховные песни и танцевали в сообществе с женщинами. Молодые девушки и даже замужние женщины ходили с непокрытыми лицами, и случаи нарушения спокойствия и святости домашнего очага бывали не редки. Жизнь мусульманина считалась ни во что, и целые реки крови лились вследствие обычая кровомщения. На глазах Кази-муллы случилось однажды следующее происшествие.

В селении Иргонае, Койсубулинского общества, проживал некто Мирза-бек-оглы, бежавший сюда из Дженгутая после убийства мехтулинского пристава. Спустя несколько лет мирного пребывания среди приютившего его общества, Мирза был убит в ссоре одним из иргонаевцев. Вот это то обстоятельство, столь обычное в горах, где люди не расстаются с оружием, послужило началом чудовищного кровомщения. Однажды ночью семнадцать мехтулинцев нагрянули за Иргонаем, чтобы разыскать убийцу. Последнего не было дома, и потому жертвами безумной мести сделались две ни в чем не повинные женщины, да

араканский житель, случайно ночевавший в сакле. Когда в Иргонае поднялась тревога, мехтулинцы, не успевшие покинуть аул, заперлись в саклю и, конечно, дорого продали бы свою жизнь, если бы старшины аула не предложили им покончить дело мировой, согласно народным адатам. Те изъявили согласие, но когда, усыпленные джаматом, они ослабили бдительность, народ кинулся в саклю, и все семнадцать человек, захваченные врасплох, были зарезаны на площади.

Вот против этих-то, позорящих мусульманскую религию, сцен, против растления нравов и общего неверия, Кази-мулла и выступил во всеоружии духовного проповедника. Он избрал для этого лучший путь, подкрепляя каждое слово примером собственной жизни. Как некогда пустынный Петр Амиенский созывал крестоносцев на защиту Господнего гроба от сарацинов, так и Кази-мулла с сумой, наполненной одним толчком, и с посохом в руке обходил аулы, беседуя с народом и возбуждая в нем дух фанатизма. Красноречие его, по словам горцев, было таково, что сердце человека прилипало к его губам, и он одним дыханием будил в душе человека бурю.

Красноречие и сила слова его, вместе с глубокой ученостью, приводили в восторженное опьянение слушателей и делали то, что народ, постепенно приучаемый к правилам шариата, не слишком даже чувствовал суровость его требований. Мужчины бросили табак и перестали пить вино, женщины прикрылись покрывалами; а молодежь приутихла, и всякое пение, за исключением гимна «Ля-илляхи-иль-Алла», было изгнано как несвойственное истинному мусульманину.

Но между тем как все это совершалось в Гимрах, и Гимры, полные религиозного экстаза, незаметно принимали иную физиономию, учение Кази-муллы постепенно проникало и в соседние общества. Жители Ашильтов,

чиркеевцы, иргонаевцы и другие, привлекаемые в Гимры славой проповедника, по возвращении домой охотно распространяли его идеи, и Кази-мулла приобретал с каждым днем все большее и большее число последователей, так что мог наконец приступить уже к решительным действиям.

Вскоре сами обстоятельства подали к тому повод.

Жители пограничного шамхальского селения Караная обратились к нему с просьбой дать им кадия. Кази-мулла указал на одного из своих учеников по имени Магома-Илау. Каранаевцы встретили его с почетом, но, испытав на деле строгость нового кадия, скоро раскаялись и выгнали его из селения. Тогда оскорбленный Кази-мулла подступил к Караная с гимринцами; жители не решились стрелять по святому человеку, и Кази-мулла занял Каранай беспрепятственно, наказав возмутившихся, согласно шариату, палочными ударами. Это было первое вооруженное движение мюридов, сильно подействовавшее на умы народа, начавшего видеть в Кази-мулле уже не одного духовного наставника.

Случай в Караная обратил внимание Кази-муллы вообще на плоскость. Зная слабость и недостаток влияния шамхала Тарковского, он был убежден, что семя, брошенное на этой почве, прорастет успешно, – и к концу 1828 года, действительно, приобрел уже много последователей не только в Караная и Эрпиях, но и в обоих Казанищах. Слух о святости Кази-муллы, тщательно скрывавшего пока свои политические виды, достиг наконец и самого шамхала, жившего тогда в Парауле. Человек недалекovidный, он взглянул на новое учение только с одной духовной стороны его и увидел, как далеки от истинного исламизма и сам он, и все его подданные. Под этим впечатлением престарелый Мехти отправил к Кази-мулле следующее послание: «Я слышал, что ты пророчествуешь. Если так, то приезжай научить меня и народ мой святому шариату; в случае же

твоего отказа, бойся гнева Божьего: я укажу на том свете на тебя, как на виновника моего неведения, не хотевшего наставить меня на путь истины».

До сих пор Кази-мулла ограничивался проповедованием мюридизма только в вольных обществах, не смея показываться на землях владельческих. Теперь, когда сам Мехти-хан, человек старый, уважаемый в горах по древности рода принял его сторону, Кази-мулла понял, что обстоятельства начинают ему благоприятствовать и что для деятельности его открывается широкое поприще. Он отправился в Параул в сопровождении нескольких учеников, пешком, в простой одежде пилигрима, без оружия, с котомкой за плечами. Во всех аулах народ выходил к нему навстречу и сопровождал его пением стихов из Корана; женщины сочиняли в честь его хвалебные гимны:

На свете взошло дерево истины,
И та истина – имам Гази-Магома.
Кто не поверит ему,
Да будет проклят от Бога.

И за каждым куплетом следовал припев: ля-илльяхи-иль-Алла.

В Парауле, в резиденции Тарковского владетеля, Кази-мулле готовилась торжественная встреча. Там, у дворца шамхала, толпились массы народа, которому хотелось видеть святого проповедника, а в самом дворце ожидал шамхал, окруженный знатнейшими алимами и почетнейшими беками, съехавшимися сюда даже из Каракайтага и Даргинского общества. Очевидцы рассказывают, что вся фигура Кази-муллы, в момент, когда он предстал перед шамхалом, дышала таким вдохновением, была исполнена такого грозного величия, что шамхал растерялся, побледнел и, как пишет один горский историк: «Шальвары его сделались мокры...» Кази-мулла, какое впечатление произвел он на окружающих. «Могущественный шамхал! –

сказал он, смиренно склоняя перед ним свою голову. – Ты валий Дагестана; все народы тебе повинуются, а те, которые независимы, послушают твоего слова. Так дозвожь же мне просветить твой народ, а ты будь блюстителем шариата!»

Простодушный шамхал не сумел разглядеть политической подкладки нового учения, и не только дозволил распространять шариат, но своими руками усердно принялся насаждать его в своих владениях.

Между тем Кази-мулла, у которого руки теперь были развязаны, перенес свою деятельность сперва в Черкей, потом в Салатавию и в Аух и, наконец, к кумыкам. Главный кумыкский пристав, князь Мусса-Хасаев, человек искренне преданный России, также не заметил в новом учении опасных элементов, и потому не препятствовал распространению его на Кумыкской плоскости. Кайтаг и Табасарань, благодаря своему вечно крамольному духу, ожидали Кази-муллу не с меньшим нетерпением. И если волнения, нарушившие спокойствие этих провинций в 1829 году, объясняются только взаимной враждой табасаранских владетелей и не имеют прямого отношения к началу мюридизма, то, во всяком случае, они подготовляли для него почву. Мало-помалу начал склоняться, на сторону Кази-муллы и хитрый Аслан-хан казикаумыкский. Кази-мулла, на возвратном пути в Гимры, гостил у него в доме несколько дней, и хотя не добился позволения явно проповедовать шариат в его владениях, но, тем не менее, завоевал его симпатии настолько, что когда люди, посланные Кази-муллой на Кубу, были ограблены, Аслан-хан не только разыскал и наказал виновных, но возвратил Кази-мулле деньги, по стоимости разграбленного имущества. На этом обстоятельстве, обыкновенно, строятся все обвинения Аслан-хана в том, что он будто бы умышленно содействовал распространению в горах мюридизма. Эти подозрения едва ли справедливы уже потому, что кавказский мюридизм

проповедовал равенство всех мусульман, а следовательно, ниспровержение законных владетелей, – Аслан-хан, конечно, сделался бы первой жертвой этого учения. Трудно допустить со стороны умного Аслан-хана такую недалекость. Всего правдоподобнее, что Аслан, видя в отвлеченных идеях тариката те семена, которые давно уже гнездились в других государствах Востока, не нарушая общего строя, не придавал им значения и был убежден, что фанатизм, возбужденный в народе, скоро потухнет и все по-прежнему останется спокойным.

Заручившись, таким образом, на плоскости сочувствием владетельных особ, Кази-мулла повел свои пропаганду внутрь Дагестана. Гумбетовское общество, давно ожидавшее к себе знаменитого проповедника, первое встретило его с восторгом и безусловно подчинилось всем его требованиям. Отсюда он направился в Андию, и шествие его было рядом неслыханных оваций, о которых до сих пор вспоминают старожилы. Тысячные толпы народа, женщины и даже дети стекались со всех сторон, расстилали по дороге свои одежды, бросались целовать руки и ноги фанатика. Кази-мулла, окруженный своими учениками, шел пешком, уверяя, что все еще находится в сомнении, не грешно ли ему ехать. В пути он часто останавливался, как будто к чему-то прислушиваясь, и на вопрос одного из своих последователей, что он делает, отвечал: «Разве ты не слышишь? Мне чудится звон цепей, в которых проводят передо мной русских». Затем Кази-мулла сел на камень и в пламенной речи впервые стал развивать перед народом картины будущей войны, изгнание русских с Кавказа, похода на Москву, взятие Стамбула... «Не подлежит сомнению, – говорит Окольничий, – что Кази-мулла искренне был убежден в возможности подобных замыслов. Москва и Константинополь казались ему не более, как большими деревнями,

вроде Унцукуля или Хунзаха, а следовательно и овладение ими для него не могло быть химерой».

Энтузиазм, произведенный этой речью, был глубокий и поразительный. По всей вероятности, к этому времени относится песня, сложенная в честь Кази-муллы и так прекрасно рисующая перед нами того, кто без власти, богатства и многолюдной родни сумел возвыситься в степень вождя буйного и разьединенного народа.

Вот эта песня:

«Честь и слава Кази-мулле, труженику ислама, сумевшему соединить под своими знаменами, как братьев родных, враждебные народы Чечни и Дагестана. Он, как посланник Аллаха, творит суд и правду кинжалом, и, как могучий хункар, скрепляет волю свою своей печатью. Он соединил в одном себе всю силу, мудрость и богатства древних дагестанских ханов и стал владыкой над владыками. Да будет же вечно над тобой, Кази-мулла, благословение Божие. Хотел бы я воспеть тебя в назидание потомкам, но могу ли это сделать, когда русские грозят нашей родине?»

Это был призыв к газавату уже самого народа. Почва, стало быть, была подготовлена. Одно красноречивое слово Кази-муллы, как искра, брошенная в пороховой бочонок, неминуемо произвела бы взрыв. Но Кази-мулла медлил сказать это слово. Он еще не считал себя достаточно сильным, чтобы выступить открытой войной на русских, и действовал так, чтобы излишней поспешностью не погубить себя и великого, задуманного им, дела.

ПЕРВОЕ ВООРУЖЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ МЮРИДОВ

К исходу 1829 года, когда окончилась турецкая кампания, почти весь Дагестан уже был объят пожаром. В это время Кази-мулле повиновались Койсубу, Гумбет, Авдия, Чиркей, Салатавия и другие мелкие общества нагорного Дагестана; половина шамхальства, почти вся Мехтула, Казикумык, Кайтаг и Табасарань были на его стороне; чеченцы и кумыки были достаточно подготовлены, чтобы, в случае надобности, стать под знамена имама. Одна Авария упорно отвергала всякие попытки к сближению с Кази-муллой; но пропаганда и там незаметно подтачивала ханскую власть, и, за исключением Хунзаха, ни на одно из селений положиться было нельзя. Казалось бы, что пора для общего восстания горцев приспела. Но Кази-мулла имел свои основания не слишком полагаться на эту, им же наэлектризованную массу. Как ни много было у него приверженцев, но были и враги, влиятельные и сильные, которые держались в стороне, но во всякое время могли составить оппозицию и увлечь за собой народ силой того же религиозного слова. Нужно было, следовательно, повлиять на этих главных духовных представителей народа, и взоры Кази-муллы обратились прежде всего на бывшего своего наставника Сеид-эфенди араканского, могшего сразу вывести его на торную дорогу. Кази-мулла решил предложить ему звание верховного кадия.

В Тарках еще недавно жил некто Дебир-хаджи, по прозвищу Аксак, бывший шамилевский наиб, потом бежавший к шамхалу и получивший от него звание тарковского кадия. Вот этот-то Дебир, один из немногих оставшихся в живых свидетелей первых дней мюридизма, так рассказывал об этом свидании между Кази-муллой и Сеидом:

«Я был в то время еще учеником Гази-Магомета; нас было несколько человек, и в том числе Шамиль, изучавший тарикат под непосредственным руководством самого наставника. Однажды Кази-мулла сказал мне, чтобы я собрался в путь, и мы в тот же день отправились с ним в Араканы погостить с неделю у Сеида. Пришли мы к нему поздно, когда солнце уже село, и после вечернего намаза, за ужином, Гази-Магомет повел речь с Сеидом о делах Дагестана.

– Что ты думаешь, эфенди, – спросил он его, – о нашем народе и нашей земле, когда-то осененной благодатью? Что она представляет собой теперь: дом войны или дом мира?

– Я тебе отвечу, сын мой, – отвечал Сеид, – что наш народ – народ мусульманский, а земля наша – дом мира и, благодаря Богу, еще не сделалась домом войны. Ты слишком мрачно смотришь на вещи. Как твой наставник я дам тебе совет: будь благоразумен; ты видишь, насколько власть наших ханов возвысилась за последнее время. Не дай Бог, что может случиться. Побереги свою голову.

– Благодарю за совет, эфенди, – сухо отвечал Кази-мулла, – но ты забываешь, что голова мусульманина, а тем более чистого узденя, принадлежит не ханам, а единому Аллаху, творцу ее. Но дело не в этом. Не ошибаешься ли ты, эфенди, называя народ наш мусульманским? Можем ли мы быть мусульманами, когда не следуем указаниям пророка, когда гяуры...

– Погоди! – прервал его эфенди. – Кто тебе сказал, что наш народ не следует повелениям пророка? Он молится единому Богу, чит Коран, постится, ходит в Мекку, и совершает суд по шариату.

– Нет, ты говоришь не то, эфенди, – возразил Кази-мулла. – Ты знаешь сам, что в вере народа одна только половина истины, а другая – ложь.

– Чего же недостает народу? Чего он не делает?

– Хорошо, я тебе скажу, чего ты не хочешь договаривать сам. Газават есть обязанность каждого мусульманина. Где же это в нашем народе? Одной молитвы недостаточно, чтобы быть совершенным перед Богом. В Коране сказано: кто исполняет одну половину его и не исполняет другую – тот принимает на себя великий грех.

– Окончим этот спор, – уклонившись от ответа, сказал Сеид, – и если хочешь, займемся лучше духовной беседой.

Тогда Кази-мулла встал в сильном волнении и шепнул мне:

– Сеид тот же гяур; он стоит поперек нашей дороги, и его следовало бы убить, как собаку.

– Нельзя нарушать долг гостеприимства, – сказал я, – лучше выждем; он может еще одуматься.

Прокричали полуночный намаз. Сеид приготовился совершить молитву; но Кази-мулла резко сказал, что с ним молиться не будет. Тогда Сеид, ни слова не говоря, удалился, предоставив в наше распоряжение свою библиотеку. Мы разослали келим, помолились, и легли спать. Опечаленный тем, что произошло у меня на глазах, я не мог заснуть до рассвета и видел, что не спал и Гази-Магомет.

На другой день нам сказали, что Сеид еще до восхода солнца ушел в мечеть заниматься со своими учениками: следом за ним пошли туда и мы. Пока продолжался урок, Кази-мулла сидел, углубившись в чтение какой-то книги,

но я видел, что он внимательно вслушивается в каждое слово эфенди, и время от времени по лицу его пробегала тень неудовольствия. Когда окончился урок, Кази-мулла подошел к Сеиду и попросил его прочесть из книги Азудия. Раскрыли книгу и начали; но в продолжении трех часов чтение не пошло дальше первой строчки, так как беспрерывно прерывалось горячими спорами. Между тем на минарете прокричал мулла, и в мечеть стал собираться народ. Сеид закрыл книгу и сказал Кази-мулле:

– Ради самого Бога, прекратим разговор. Ты отлично знаешь все, что я могу тебе сообщить, и понимаю, чего ты желаешь. Но знай, я не могу принять участия в том, что противно моим убеждениям.

С этими словами Сеид вышел из мечети. Кази-мулла несколько минут стоял в глубоком раздумье.

– Да поможет мне Аллах наказать гяуров, а вместе с ними и тебя, лукавый раб, – сказал он, провозжая гневным взором удалявшегося Сеида.

В тот же день мы вернулись домой в Гимры».

Неудача с Сеидом заставила Кази-моллу искать поддержки в духовных лицах из среды своих последователей. И вот под его влиянием образуется новое религиозное общество, целой головой стоящее выше обыкновенных мюридов. Это – шихи, угодники Божии, которые своей видимой, наружной святостью должны были произвести на народ глубокое впечатление и принизить в его глазах таких либеральных ученых, как араканский Сеид. С созданием новой секты завершилась, так сказать, закладка мюридизма, и Кази-мулла, оградив себя на почве религиозной, мог перейти наконец к осуществлению своих политических замыслов.

Обстоятельства, по-видимому, ему благоприятствовали. В половине 1829 года старый шамхал выехал в Петербург и там опасно занемог. С минуты на минуту ждали

известия о его кончине, и в шамхальстве начались беспорядки. Они случались и прежде, но теперь приняли особенно острый характер, благодаря тому, что один из младших сыновей шамхала, Абу-Муселим-хан, задумал, в случае смерти отца, овладеть шамхальством. Старший брат его, Сулейман, законный наследник престола, был слишком слаб, чтобы остановить волнение, и большая часть народа от него отложилась. Самые Тарки изо дня в день ожидали нападения мятежников. Быстрое прибытие к Таркам подполковника Дистерло, с батальоном Куринского полка и тремя орудиями, отклонило грозу. Движение в шамхальстве приостановилось; но, тем не менее, достигнуть примирения враждующих братьев Дистерло не удалось. Бунтовщики заняли крепкую позицию у Эрпели и там ожидали помощи со стороны койсубулинцев. Прибытие в шамхальство еще двух батальонов Апшеронского полка заставило, однако же, мятежников смириться, и надежды Кази-муллы, не имевшего сил фактически поддержать восстание, рушились при самом начале.

Он понял тогда, что все его попытки будут безуспешны до тех пор, пока он не увидит на своей стороне сильный аварский народ, и в особенности их умную правительницу ханшу Паху-Бике. Но добиться этого было не легко. Ханша лучше других понимала опасное значение нарождавшейся секты и стояла на страже. Она отвечала на письмо Кази-муллы любезным приглашением приехать самому в Хунзах, чтобы лично разъяснить ей шариат. Но Кази-мулла умел читать между строками. Он знал, что ханша не будет стесняться с тем, кого считала своим прирожденным врагом, и, опасаясь оставить в ее владениях свою голову, благоразумно уклонился от этой поездки.

Так наступил 1830 год. Турецкая война окончилась. Планы Паскевича, касавшиеся покорения горских племен,

близились к своему осуществлению, и первый удар должен был разразиться над джарцами. О событиях в Дагестане, мало кому даже известных, у нас никто не заботился, потому что никто не постигал их внутреннего, глубокого значения в жизни дагестанских народов. Все это брожение, готовое вот-вот разразиться страшным ударом над головой русских, сводилось в донесениях только к тому, что в Дагестане распространяется новое религиозное учение с целью улучшить нравственность мусульман и создана какая-то секта шихов. Но в чем заключается новое учение, что такое эти шихи и кто руководит всем этим движением, оставалось совершенной тайной не только для главнокомандующего, но даже для ближайших местных начальников в Дагестане. Все это может показаться теперь несколько странным, но так оно было в действительности.

И вот в то время, как у нас делались обширные приготовления для покорения горцев, Кази-мулла деятельно работал над планом изгнания русских с Кавказа. Около него уже организовался небольшой отряд приверженцев, в числе четырехсот конных мюридов, которые готовы были поддержать своего наставника силой оружия. Это было ядро, к которому впоследствии должно было примкнуть все население Дагестана.

Первая деятельность вооруженных мюридов выразилась нападением на Араканы, с целью истребить ненавистного Кази-мулле Сеида. Этот человек на каждом шагу ставил опасные преграды замыслам имама, и отделаться от него нужно было во что бы то ни стало. Исполнить это казалось тем легче, что беспечный алим никогда не ограждал себя мерами предосторожности, да и самые Араканы были таким пунктом, для овладения которым вовсе не требовалось каких-нибудь чрезвычайных усилий.

Набег был решен в январе 1830 года.

Уже не смиренным странником, с посохом и мешком за плечами, а грозным вождем, на боевом коне, с Кораном в одной и с шашкой в другой руке, выехал Кази-мулла из Гимр во главе своих отважных мюридов. Внешность его производила глубокое впечатление. Это был человек среднего роста, широкоплечий и худощавый в лице, большие навывкате глаза его сверкали как уголья, а глубокие морщины поперек высокого лба изобличали постоянную думу и тот внутренний огонь, в котором, как в горниле, перегорали страсти, и как сталь закалялась железная, непреклонная воля. Всегда сосредоточенный в самом себе, угрюмый и молчаливый, как камень, там, где это было нужно, Кази-мулла являлся типом восточного честолюбца, спокойного, мрачного и холодно-жестокоего. Таким по крайней мере его рисуют нам воспоминания современников.

Четыреста всадников, в белых чалмах, знак принадлежности их к духовному ордену, на бойких конях и с добрым оружием следовали за своим предводителем. Первые скалы и ущелья Дагестана огласились тогда грозной боевой песней мюридов: «Нет Бога, кроме Бога». Жители попутных деревень с трепетом провожали глазами этот невиданный ими конный отряд, несший с собой смерть и кару тем, кто не хотел последовать истинам ислама.

К Араканам подошли на рассвете. Кази-мулла остановился на небольшой поляне перед селением и потребовал к себе аманатов. Араканцы, застигнутые врасплох, не смели сопротивляться, и мюриды торжественно вступили в селение. Испуганные жители, под угрозой сожжения деревни, дали присягу в мечети жить по шариату. Сеид был объявлен лишенным достоинства кадия. По счастью, его самого не было дома: он был в гостях у Аслан-хана казикумыкского, а потому Кази-мулла приказал только истребить все, что нашлось в его доме, не исключая обширных

сочинений, над которыми ученый алим трудился всю жизнь свою. Большие кувшины с вином, открытые в подвалах, были вынесены наружу, разбиты, и вино разлито на землю и по полу. В это самое время беспечный Сеид, не подозревая того, что делалось в Араканах, спокойно возвращался домой и был уже около деревни, когда один из араканцев встретил его и предупредил об опасности. Таким образом, только слепой случай спас жизнь дагестанского ученого. Сеид проклял бывшего своего ученика и бежал в Казикумык, где мог считать себя в большей безопасности, нежели в шамхальстве.

Нападение на Араканы было первым открытым действием со стороны Кази-моллы. Нельзя сказать, чтобы оно произвело благоприятное впечатление на умы шамхальцев; во многих местах, особенно в Каране и Эрпелях, обнаружилось волнение; старики, преданные адатам, стали колебать новое учение, провозглашая, что не должно следовать тому, чему не следовали их отцы и деды. Но Кази-мулла был настороже. С толпой своих мюридов он бросился на плоскость и, прежде чем противники его успели опомниться, главнейшие из них уже были захвачены и отправлены в Гимры, где их рассадили по душным и вонючим ямам; туда же скоро привезли и некоторых кумыкских князей, закованных в железо.

Еще печальнее окончилась попытка к восстанию в селении Миатлах. Мюриды нагрянули туда как снег на голову, и сам Кази-мулла выстрелом из пистолета в упор положил на месте непослушного кадия. Народ в страхе просил помилования. Кази-мулла даровал его, но взял аманатов, которые должны были отвечать головой за дальнейшее спокойствие жителей. Таким образом, власть в шамхальстве и в Мехтуле перешла в руки Кази-моллы уже фактически; но соседнее с ними Даргинское общество наотрез отказалось

впустить его в свои пределы. Акушинский кадий отвечал, что даргинский народ исполняет шариат, а потому личное появление Кази-муллы в Акуше будет излишним. Распорядиться с акушинским кадием так, как он распорядился с Сеидом, было нельзя, потому что кадий был вместе с тем правителем сильного народа, и его сопротивление могло погубить зарождавшееся дело в самом начале. Кази-мулла сделал вид, что довольствуется ответом, и оставил его до времени в покое.

Как раз в это самое время начались приготовления Паскевича к большой экспедиции в Джаро-Белоканскую область. Джарцы молили Кази-муллу о помощи. Имам, не хотевший так рано открывать военных действий, понял, однако, что покорение джарцев откроет русским свободный путь в Дагестан со стороны Кахетии, и горцы, сдавленные с двух сторон, будут заперты в своих бесплодных горах. Медлительность в этом случае могла подорвать учение газавата в самом его корне – и Кази-мулла решился действовать.

В последних числах января 1830 года в Гимры созданы были народные представители со всех концов Дагестана и даже из Дербента. Кази-мулла явился перед ними в мечети. «Народ! – воскликнул он. – Знайте, что пока земля наша попирается ногами русских, до тех пор не будет нам счастья; солнце будет жечь поля наши, не орошаемые небесной влагой; сами мы будем умирать как мухи, и когда предстанем на суд Всевышнего, – что скажем ему в свое оправдание?.. Я послан от Бога спасти вас. Итак, во имя Его призываю вас на брань с неверными. Газават русским! Газават всем, кто забывает веру и святой шариат! Не жалейте ни себя, ни детей, ни имущества; мы не можем быть побеждены, потому что за нас правое дело. С этой минуты мы начинаем священную войну, и я буду вашим газием. Готовьтесь!»

Вся эта пламенная речь, как нельзя лучше ответившая на задушевную мысль каждого горца, с быстротой молнии облетела край, и отовсюду под знамена Кази-муллы начали стекаться охотники. Зашевелилось и шамхальство, подстрекаемое опять Абу-Муселим-ханом. Русские власти уже знали о каком-то необычайном движении, начавшемся в Гимрах, но ничего не могли предпринять, так как сведения об этом были крайне неопределенны и сбивчивы. А между тем в Гимрах уже выработался окончательный план предстоящего похода. Решено было идти в Хунзах, чтобы овладеть Аварией, необходимой Кази-мулле прежде всего, так как ее центральное положение в горах давало возможность с полным успехом распространять свою политическую власть во все стороны Дагестана. Усилившись воинственным аварским народом, имам предполагал общими силами вторгнуться в Акушу, чтобы наказать дерзкого кадия, потом овладеть Казикумыком – и таким образом отвлечь Паскевича от экспедиции в Джары.

Создав обширный и смелый план, Кази-мулла, однако, приступил к его осуществлению с большой осторожностью; он прежде всего решил исследовать ту почву, на которой ему приходилось действовать, и с этой целью отправил гимринского кадия в Хунзах для переговоров с правительницей. Кадий возвратился назад с известием, что ханша собирала большой джамат, на котором все, кроме хунзахцев, открыто высказались в пользу союза с Кази-муллой и требовали, чтобы Нусал-хан повел свои войска на соединение с войсками имама. Правительница протестовала против такого решения и, видя, что собрание принимает все более и более шумный характер, распустила старшин. Связь между Хунзахом, поддерживавшим ханскую власть, и народом, стремившимся навстречу новым грядущим событиям, таким образом, была окончательно

порвана. Хунзах готовился к битве. Но что значило одно ничтожное селение, когда вся Авария становилась под развернутое знамя имама!

Четвертого февраля три тысячи всадников, имея во главе Кази-муллу, двинулись из Гимр по дороге в Аварию. Жители попутных деревень Иргоная и Казатлы попробовали не пустить мюридов, но были разбиты, – и день ознаменовался первыми кровавыми жертвами начинавшегося газавата. Но зато при дальнейшем движении все покорялось Кази-мулле без выстрела, и аварские деревни присоединялись к нему одна за другой, так что силы его скоро увеличились от восьми до двенадцати тысяч. В числе предводителей горцев насчитывалось в то время уже много славных имен, вошедших в известность среди народа своей ученостью и святостью жизни. Таковы были: Гамзат-бек аварский, Шамиль, Ших-Шабан и другие.

Рассказывают, что, приготавливаясь идти в Аварию и зная, что на пути встретится безводица, Кази-мулла приказал заблаговременно зарыть в известных местах бурдюки с водой, и когда партия располагалась на отдых или ночлег, вода появлялась там, где ее никогда не бывало. Хотел ли он явиться народу новым Моисеем или действовал так просто, без всякой задней мысли, как предусмотрительный вождь, – об этом толкуют различно. Но суеверные горцы увидели в этом особую благодать, осенявшую «Божьего избранника», и по всему Дагестану пошла ходить молва о чудесах и святости имама. Сам Аслан-хан, отрицавший доселе политическое значение Кази-муллы, теперь встревожился и писал, что опасность предстоит большая, ибо Кази-мулла является в глазах дагестанских народов не простым вождем, а пророком. «Таких происшествий, – добавлял он в своем письме к полковнику Мищенко, – никто здесь не видал и не помнит. Я сам нахожусь в большом

беспокойстве, потому что, в случае появления его в Казикумыке, никто из моих подвластных не осмелится поднять против него оружие... Если хотите выслать войска, то высылайте как можно скорее и не велите им стоять в поле, а держаться по крепостям, ибо скопище газия будет чрезвычайно большое...» Совет его приняли, и чтобы не подвергать опасности небольшой отряд, собиравшийся тогда для действия в шамхальстве, задержали его в Дербенте. А Кази-мулла между тем все шел вперед и остановился у ворот Хунзаха.

На самом конце обширного Аварского плато, у селения Ахальчи, скопище имама разбило свой бивуак и стало грозным, хотя и беспорядочным станом. Перед ним, в туманной дали, вырисовывались хунзахские скалы, и на них большое многолюдное селение – резиденция аварских ханов, священная могила первого распространителя ислама в Дагестане – Абуль-Мусселим-шейха. Этот шейх был главой духовенства в войске аравитян, и существует предание, что, раненный смертельно в одном из сражений, он завещал похоронить себя там, где ляжет с его телом катер. Катер пришел в Хунзах. Останки святого были преданы земле в тамошней мечети, где они покоятся и ныне, в особой пристройке, имеющей вид обыкновенной азиатской сакли. У гробницы шейха сохраняются и некоторые принадлежавшие ему вещи, как, например, рукописный Коран, свидетель первых времен мусульманства, белый плащ, исписанный священными стихами, и сабля, не разлучавшаяся с ним в походах. Прежде тут же хранились посох и четки, но они утеряны во время одного из хунзахских погромов. Все эти вещи, составляющие предмет особого религиозного почитания, имеют в понятии народа силу талисмана, дарующего победу, и потому обе стороны в равной мере возлагали свои надежды на помощь святого:

хунзахцы, – как на патрона своего родного гнезда, мюриды, – как на ревнителя веры, во имя которой они обнажили меч.

Как ни крепко было селение, вмещавшее в себе более семисот дворов и населенное по преимуществу абреками, мало помышлявшими об истинах ислама, тем не менее измена аварцев и грозные силы, обложившие Хунзах, не могли не смутить ханского дома. Ханша Паху-Бике попыталась даже вступить в переговоры, отправив в стан Кази-муллы своего любимца, Елхаджи-гази-Магомета. Но Кази-мулла вместо ответа приказал продеть ему через ноздри веревку и в таком позорном виде, с навешенной на шею торбой, отослал обратно в Хунзах. Хунзахцы были глубоко оскорблены безрассудным поступком имама и дали клятву биться с ним до последнего.

Существует официальное сведение, что Елхаджи пострадал будто бы за то, что, явившись в стан Кази-муллы мирным послом, пытался, по наущению ханши, подкупить некоторых из числа влиятельных горских вождей, и особенно гумбетовцев. Но старики-хунзахцы, живые свидетели минувших событий, упорно отрицают самый факт подкупа и говорят, что выдумка эта нужна была мюридам, чтобы оправдать ненужную жестокость имама. В действительности, они видят в этом подкладку и утверждают, что увечье посла было преднамеренное, вызванное желанием оскорбить хунзахцев, с целью заставить их драться, так как Кази-мулла, вполне уверенный в своей победе, более всего опасался добровольной покорности хана, которая связывала бы ему только руки. Не покорности, а истребления ханского дома домогался Кази-мулла, стремившийся на его развалинах основать свою духовную власть, как это сделали впоследствии преемники его, Гамзат и Шамиль.

Несколько дней прошло в обоюдных приготовлениях к битве. Хунзахцы не унывали. Те же старики рассказывают,

что одно ничтожное обстоятельство много содействовало поднятию мужества гарнизона. Хунзахцы увидели однажды в небе громадную стаю голубей, преследуемых коршуном. Голуби летели прямо на стан Кази-муллы, и коршун с налета бил их во множестве. Появление коршуна в понятиях суеверного горца всегда предзнаменует победу – но кому? Хунзахцам или Кази-мулле? Люди, умудренные жизненным опытом, решили – хунзахцам: коршун был один и знаменовал собой Хунзах, одиноко стоявший посреди общей измены, охватившей тогда Аварию.

Наступило двенадцатое февраля – первый день праздника Рамазана. Утром, после молитвенного пения, весь неприятельский стан пришел в необычайное движение. В Хунзахе быстро изготовились к бою – и действительно, в одиннадцать часов утра давно ожидаемый приступ начался. Большая часть скопища, где находился сам Кази-мулла и Гамзат-бек, двигалась со стороны Ахалчи; гумбетовцы, предводимые Шамилем, направились в обход, через городское кладбище. Бешеный ружейный огонь, загрепевший со стен Хунзаха, не остановил мюридов. Неспешно, с дикой, торжественно унылой песней «Аллах акбер! Ля-илляляхи-иль-Аллах!» двигались вперед их густые толпы и скоро достигли самых завалов. Никогда ничего подобного не видели хунзахские абреки. Разом встали перед ними рассказы, усердно распускаемые клеветами Кази-муллы о том, что его приверженцам всегда предшествуют легионы ангелов, что шашка, поднятая на них, мгновенно тупеет и в нацеленном ружье не вспыхивает порох. Суеверный ужас закрался в самые бестрепетные сердца, – и у хунзахцев опустились руки. Пальба прервалась... В эту минуту Шамиль ворвался в селение и тотчас водрузил на плоских кровлях домов свои знамена, давая этим знать Кази-мулле, что Хунзах уже занят. Еще минута – и участь аварской

столицы была бы решена... Как вдруг, с непокрытой головой, с пылающим взором и обнаженной шашкой в руке, окруженная одними женщинами, на валу появилась ханша Паху-Бике. «Хунзахцы! – крикнула она, и голос ее покрыл раскаты ружейной перестрелки. – Вы не должны носить шашек; если вы трусы, отдайте их нам, женщинам, а сами покройтесь чадрами»...

Эти слова электрическим током зажгли мужество в пристыженных жителях, и они как один кинулись на стены. Знамена, веявшие на крышах, мгновенно были сорваны и скопище Шамиля выбито из селения. Сам он с тридцатью мюридами, отрезанный при отступлении, едва успел запереться в подгородней сакле, где был окружен и очутился в блокаде. Поражение Шамиля вселило смущение в главной массе штурмующих, и Кази-мулла уже не мог поправить проигранного дела; толпы его, бросившиеся через завал, встречены были дружным залпом в упор – и отшатнулись назад. Пользуясь их замешательством, юный Абу-Нусал-хан сам сделал вылазку и кинулся в кинжалы. Женщины наравне с мужчинами отстаивали селение, и одна из них по имени Курнаиль-Хандулай, работая топором, отняла четырнадцать винтовок. Паника, которой сначала поддались было хунзахцы, быстро перешла на мюридов, и они побежали. Хунзахцы гнали их через всю долину, и только к вечеру, когда на Аварском плато не осталось уже ни одного мюрида, молодой хан с торжеством победителя вернулся в свою резиденции. Пять неприятельских значков, двести тел и шестьдесят пленных были трофеями блистательной победы. В числе последних, как говорят, находился и сам Гамзат-бек, но ему помог бежать один из хунзахских жителей. Шамиль также остался в Хунзахе, запертый в сакле, и должен был выбирать смерть или сдачу. Его выручили гумбетовцы,

приславшие в тот же день просить у хунзахцев мира. Мир был заключен, и Шамиль со своими тридцатью мюридами получил свободу. Но гумбетовцы, ожесточенные своими потерями, встретили его такими укорами и дошли до такого неистовства, что сорвали с него священную чалму и едва не лишили жизни. Очень может быть, что здесь и окончил бы свое земное существование грозный впоследствии владыка «гор и лесов», если бы на его сторону не стал дerviш, кадий Нур-Магомет. Благодаря заступничеству старца, Шамилю была дарована жизнь, но народ изгнал его из Гумбета.

Император Николай Павлович в ознаменование верности, оказанной хунзахцами, и в память победы, одержанной молодым Нусал-ханом, пожаловал всему Аварскому народу белое Георгиевское знамя.

Так окончился первый взрыв мюридизма. Подобно раскату грома, гулко прокатился он по горам и ущельям Дагестана и замер под Хунзахом. Но горизонт все еще был заволочен мрачными тучами, и вслед за первым ударом надо было ждать последующих.
